

реализация многих литераторов так или иначе связана с университетом и т.д.

Возвращаясь к 70-м, подчеркнем, что при всем различии социокультурной ситуации Перми и Екатеринбурга в эти годы именно университетская среда стала средоточием молодых творческих сил, ориентированных на художественный поиск, стилевые новации, индивидуальное освоение общекультурного контекста.

Л. М. Слобожанинова
Екатеринбург

М. ГОРЬКИЙ И П. БАЖОВ **(об этике писательских отношений)**

Тип творческого поведения Бажова по отношению к Горькому достаточно сложен. Речь идет не о подражании или заимствованиях, но о самостоятельном решении ряда близких эстетических задач.

Характерно, что автор “Малахитовой шкатулки” последовательно отделяет Горького от его непосредственного литературного окружения. Если для Бажова Горький - величина абсолютная, своего рода уникальное явление, то это восприятие ни коим образом не распространяется ни на “молодых”, которым Горький адресовал свои литературно-критические статьи, ни на редакторов из созданного им журнала “Наши достижения”.

Потому, называя Горького “главным редактором и главным консультантом страны”, Бажов не столько восхищается этой его ролью, сколько сожалеет, что громадная редакторско-организационная работа помешала осуществлению его собственных планов, в частности, завершению “Жизни Клим Самгина”.

Бажов негодует, когда редакторы из журнала “Наши достижения” “дико обкорнали” повесть “Потерянная полоса” и в урезанном виде переслали ее без ведома Горького в Сорренто. Повидимому, Бажов не видел смысла публиковать возвращенную ему повесть по той причине, что горьковская правка (красным и синим карандашом да еще химическими чернилами) “прошла” по тексту, уже исправленному чужой рукой¹.

Бажов чрезвычайно тактичен в своих замечаниях по поводу спорных мест из литературно-критических статей Горького. К примеру: “Литературные забавы”, на мой взгляд, не всегда правильно используются. Неизбежная для полемики односторонность иногда трактуется как норма”.

Суждение о “полемической . односторонности” не расшифровано. Последующая критика неудачного неологизма Андрея Белого (“серявый” как синоним к словам “серый”, “сероватый”) уводит разговор в сторону. Думается, Бажов мог иметь в виду неоправданно резкую характеристику глагола “скукожиться” из романа Ф. Гладкова “Бруски”.

В “Малахитовой шкатулке” немало просторечных глаголов, которые звучат ничуть не благозвучнее, чем “скукожиться” (“здыморыльничать”, “фуйкать”, “мерекать”, “напрочапиться” и др.). Однако Бажов не воспринимает критические замечания Горького “как норму” и не избавляется от просторечий во имя узко понятой чистоты литературного языка. Вместе с тем, горьковские суждения об избыточности областнической лексики в произведениях современных авторов, безусловно, помогали Бажову сохранять чувство меры в этой области.

Помимо прямого обращения Бажова к Горькому (в дневниковой записи от 18 июня 1946 года) существуют связи на общелитературном уровне. Контрасты и сходства, притяжения и отталкивания, уточнения и дополнения образуют нормальные формы литературной жизни и в свою очередь порождают случаи необъявленной творческой полемики. Опыт Бажова в этом плане имеет принципиальное значение.

Автор повестей “Зеленая кобылка” и “Дальнее - близкое”, очерковых циклов “Уральские были” и “У старого рудника” занимает, по сути, альтернативную позицию по отношению к Горькому в изображении дореволюционного прошлого. Если у Горького поэтические страницы детства и отрочества сопровождаются последовательным обличением мещанства в целом, то у Бажова подобная критика отсутствует. При всем том, что уральский рабочий, имевший небольшую усадьбу, хозяйство и обязательный покос, фактически был наполовину мелким собственником. Однако Бажов не столько обличает, сколько сочувствует рабочему, который так быстро сгорал на “огненной работе”, что в 30-40 лет становился инвалидом. В этом Бажов ближе к Мамину-Сибиряку, нежели к Горькому.

Для 30-40-х годов восприятие альтернативных точек зрения как равноправных - явление редкое. В произведениях Чехова “хмурого” периода, в “Нравах Растеряевой улицы” Глеба Успенского, в произведениях Подъячева Бажов улавливает антимещанскую позицию, близкую горьковской, считая ее исторически обусловленной, вполне возможной, однако не абсолютной и не единственной. Альтернативная позиция Бажова по отношению к произведениям, где на первом плане

оказывались “свинцовые мерзости русской жизни”, выражена творчески в первую очередь в картинах поэтического действия подростка из уральской заводской среды.

¹⁾ Повесть “Потерянная полоса” опубликована М. Батиным в “горьковской” редакции. - “Урал”, 1969, № 1.

Н. В. Смирнова
Екатеринбург

ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА “19 ОКТЯБРЯ 1825 ГОДА”

Смысловая емкость и зашифрованность эмблемы, активизирующая творческое восприятие, родственно близка лирике. “19 октября”, как и множество пушкинских стихов, опирающихся на зрительный образ, может быть уподоблено эмблеме по структуре.

Зрительное и смысловое ядро стихотворения - круг пирующих друзей - коррелирует с распространенным в эмблематике образом кольца, символа вечности. Лирический герой - вне круга, но он - локус его чувств и мыслей. Кольцо находится в фокусе центробежного и центростремительного движения; житейские бури вырывают из него друзей (“Кто не пришел, кого меж вами нет?”); но уходу всегда сопутствует возвращение, духовная или отложенная во времени встреча. Время и пространство разрывают кольцо, но его запечатленный образ носит в себе каждый, он завещан «певцом», первым из погибших лицейстов, и бережно храним.

Смысловая парадигма образуется движением традиционных оппозиций (отчизна-чужбина, берег-море, сеть-лоно, гроза-покой, муза-суетность, сиротство-братство), оформленным как интимно-чувственные сюжетные фрагменты. Смысловое наполнение темы синтетично: дружба - это и духовные узы (“братство по мечтам”), и общность локуса (“Отечество нам Царское Село”), и радости (пир, “братское объятие”), и этика, главное свойство которой - благодарность, отзывчивость. Через личностные смыслы проступает связь с общими понятиями отчизны, покоя, творческого труда, сотрудничества. Дружба как вечная и общая ценность отчеканивается в эмблематическом девизе: “Друзья мои, прекрасен наш союз! Он как душа неразделим и вечен...”, где ударные слова - эпитеты.